

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКТРИНЫ ОБХОДА ЗАКОНА В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Доктор юрид. наук,
руководитель группы
законодательного обеспечения
деятельности ФГУП
«Рособоронэкспорт»

В.В. Кудашкин

Институт «обхода закона» является одним из наиболее дискуссионных в науке международного частного права.

Стойкое невнимание отечественной науки, прежде всего советского и новейшего российского периодов, к этому правовому явлению сменилось интересом к нему. В частности, появилось обстоятельное научное исследование А.И. Муранова, пришедшего к выводу о том, что «оговорка об «обходе закона» для защиты интересов российского права является совершенно излишней»¹.

Вместе с тем изучение названного института на основе системного подхода открывает несколько иные его аспекты, которые позволяют говорить о преждевременности подобных заключений. Попробуем изложить собственную точку зрения.

Исследуя институт «обхода закона», необходимо выделить две группы проблем. Первая касается отождествления теории «обхода закона» с публичным порядком и императивными нормами, имеющими особое значение; вторая относится к пред-

мету регулирования нормы об «обходе закона» и вопросу о том, устанавливает ли он запрет на обход коллизионных норм международного частного права либо материальных норм *lex fori*.

1. Соотношение нормы об «обходе закона» с оговоркой о публичном порядке

Русская дореволюционная наука, уделявшая пристальное внимание институту публичного порядка², не удостоила им институт «обхода закона». Однако этот «перегиб» в сторону публичного порядка оказал непосредственное влияние и на теорию «обхода закона». В наиболее общем виде отношение к этому институту было выражено в трудах А.Н. Манделъштама, который писал: «Мы должны... повторить не раз уже сделанное замечание о совпадении двух известных теорий “*ordre public*” и “*in fraudem legis*”»; «теории “публичного порядка” и “обхода закона” имеют ту же цель — заменить нормально компетентный закон посредством *lex fori*; разница только в том, что в теории “обхода законов” устранение компетентного закона зависит от констатирования намерения сторон нарушить свой личный статут. Очевидно, что обе эти теории выражают одну и ту же мысль с разных точек зрения...»³.

² См., напр.: Брун М.И. Публичный порядок в международном частном праве. Пг., 1916.

³ Манделъштам А.Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права. Спб., 1900. Т. 1. С. 154, 249.

¹ См.: Муранов А.И. К вопросу об «обходе закона» // Московский журнал международного права. 1997. № 3. С. 67.

Из советских довоенных ученых «обход закона» наиболее подробно исследовал А.Г. Гойхбарг. Он указал на то, что данный институт тесно связан с автономией воли и «ordre public»⁴, не анализируя конкретные проявления такой связи.

Теория отождествления «обхода закона» и оговорки о публичном порядке нашла отражение в современной науке. Так, А.И. Муранов считает, что «если российское право действительно имеет заинтересованность быть применимым к правоотношению, то это случаи, когда применение российского права действительно необходимо для его собственных интересов. Но в таких случаях применение российского права обеспечивается оговоркой о публичном порядке или оговоркой об императивных нормах»⁵. Теория «обхода закона» появилась в качестве второго (наряду с публичным порядком) исключения необходимости применять иностранный закон, на который указывает коллизионная норма⁶.

На связи «обхода закона» и императивных норм остановимся несколько позже. Пока же рассмотрим соотношение «обхода закона» и оговорки о публичном порядке. Замены «обхода закона» оговоркой о публичном порядке не происходит в силу различия в предметах правового регулирования указанных норм. Предметом «обхода закона» является недействительность соглашений и иных действий, направленных на исключение объективно применимого в силу закона права и, как следствие, применение иного права. Таким образом, это отношения недействительности правоотношений, предметом которых являются указанные соглашения и действия. Предметом же оговорки о публичном порядке служит исключение применения иностранного права, если таковое противоречит публичному порядку страны суда. При этом целью признания недействительным

соглашения, указанного в норме об «обходе закона», является не обеспечение применения *lex fori*, а только создание условий для применения права в соответствии с применимыми коллизионными нормами.

Именно такой подход был закреплен в ст. 1198 проекта части третьей ГК РФ⁷. В случае существования соглашения о применении праве, обладающего признаками недействительности, применение иного соответствующего права без предварительного решения вопроса о недействительности указанного соглашения невозможно. В то же время применение оговорки о публичном порядке не требует предварительного решения вопроса о действительности соглашения о применимом праве в силу правомерности его определения на основании автономии воли сторон либо соответствующей коллизионной нормы. В рамках применения оговорки о публичном порядке не решается вопрос о правомерности выбора применимого права. Главное здесь — исключение применения иностранного права в силу условий, определенных указанной оговоркой. Таким образом, различие между «обходом закона» и оговоркой о публичном порядке — это различие между субъективным основанием признания недействительным соглашения о применимом праве, не требующего в последующем применения оговорки о публичном порядке, и объективным основанием исключения применения иностранного права, не требующего для этого использования нормы об «обходе закона».

Л. Раапел, подчеркивая, что германская доктрина исходит из связанности «обхода закона» и публичного порядка, предлагал и иной подход: «Согласно другой точке зрения,

⁴ Гойхбарг А.Г. Международное право. М., 1928. С. 42.

⁵ Муранов А.И. Указ. соч. С. 66.

⁶ Там же. С. 59.

⁷ «Недействительны соглашения и иные действия участников отношений, регулируемых настоящим Кодексом, направленные на то, чтобы в обход правил настоящего раздела о подлежащем применению праве подчинить соответствующие отношения иному праву. В этом случае применяется право соответствующего государства, подлежащее применению в соответствии с настоящим разделом».

публичный порядок не помогает или не всегда помогает. *Fraude a la loi* представляет собой особое явление, и поэтому бороться с ним следует особым способом, а именно при помощи особого принципа, касающегося *agere in fraudem legis* (действий, совершаемых в обход закона). Положение в данном случае аналогично тому, которое имеет место при обходе закона в пределах одного правопорядка, когда публичный порядок вообще не принимается в соображение. Я хотел бы присоединиться к последней точке зрения...»⁸.

2. Соотношение нормы об «обходе закона» с императивными нормами, имеющими особое значение

Первым, кто обратил внимание именно на этот аспект проблемы, был А.Г. Гойхбарг. Он писал: «Если законодательство определенной страны содержит в себе, в области своего обязательственного права очень много императивных положений (как напр., швейцарское или еще в гораздо большей степени советское), устранить действие которых отнюдь не зависит от воли сторон, то было бы совершенно нелепым с точки зрения соответственного законодательства допустить устранение их действий, допустить обход внутренних законов посредством обхода нормы частного международного права, посредством заключения соответственных договоров, с нарочитой целью, за пределами соответственной страны, в стране, законодательство которой, отнюдь не защищая интересов экономически слабейшего или вообще определенных социальных интересов... ставит все в зависимость от «добровольных» соглашений сторон»⁹. Обозначив проблему, А.Г. Гойхбарг вместе с тем не остановился на вопросе соотношения «обхода закона» и императивных норм, имеющих особое значение. Ученый лишь обратил внимание на то, что устранение указанных импера-

тивных норм в результате соглашения сторон неправомерно и обуславливает применение нормы об «обходе закона». Однако подчеркнем, что применение этих императивных норм не отменяет норму об «обходе закона», наоборот, устранение императивных норм в результате соответствующего соглашения является основанием для использования нормы об «обходе закона».

Вопросы соотношения «обхода закона» и императивных норм стали предметом новейших исследований в области международного частного права.

Как было отмечено, А.И. Муранов считает, что юридический эффект, который призван обеспечить «обход закона», в полной мере достигается оговоркой о публичном порядке и императивными нормами, имеющими особое значение¹⁰.

Аналогичную позицию занимает Ю.Г. Морозова: «Учитывая то, что теория обхода закона возникла в период становления науки международного частного права и являясь вторым общим корректором автономии воли наряду с оговоркой о публичном порядке, принимая во внимание также усиление позиций института норм непосредственного применения, не нуждающегося в дополнительном обеспечителе своего применения, научную критику теории *fraude a la loi*, признание ее устаревшей, что подтверждается отсутствием данной нормы в новейшем законодательстве о международном частном праве и в международных актах, считаем возможным утверждать, что в настоящий момент функции института обхода закона полностью поглощает институт норм непосредственного применения»¹¹. В отношении идентичности функций «обхода закона» и императивных норм, имеющих особое значение (норм непосредственного применения), необходимо отметить следующее.

¹⁰ См.: Муранов А.И. Указ. соч. С. 59.

¹¹ Морозова Ю.Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: понятие и современный порядок применения: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 66.

⁸ Раапе Л. Международное частное право. М., 1960. С. 140.

⁹ Гойхбарг А.Г. Указ. соч. С. 44.

В российской правовой системе институт императивных норм закреплен в ст. 1192 ГК РФ, которой определено, что такие нормы регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права. Как вытекает из содержания данной статьи, она определяет применимость императивных норм ввиду их особых качеств, точнее, особых качеств регулируемых ими отношений, имеющих исключительное значение для обеспечения интересов государства и общества при взаимодействии национальных правовых систем. Статья 1192 не устанавливает, что соглашения, которые направлены на обход таких императивных норм, недействительны. Более того, вопросы соглашений о применимом праве вообще остаются за ее рамками.

Необходимо отметить, что в данной норме говорится о применимости императивных норм независимо от подлежащего применению права в соответствии с правилами раздела VI третьей части ГК РФ. К этим нормам относится и положение о выборе сторонами применимого права к соответствующим правоотношениям. Однако названная часть нормы, определенная ст. 1192, косвенно подтверждает, что могут иметь место и случаи одновременного существования соглашений, позволяющих обойти императивные нормы прямого действия, и самих этих норм. Объективным следствием такого вывода является решение вопроса о недействительности подобных соглашений. В случае судебного разбирательства относительно применения императивных норм, имеющих особое значение, суд не сможет не учесть существующее по тому же поводу соглашение, позволяющее применить нормы иной правовой системы. Именно признание указанных соглашений недействительными и является предметом «обхода закона». Как и в вопросе о соотношении «обхода закона» и оговорки о публичном порядке, предметом и соответственно функцией первого правового явления являются отношения

недействительности соглашений, направленных на обход императивных норм прямого действия, второго - обеспечение приоритета и, как следствие, применение указанных норм, по сравнению с правом, выбранным в соответствии с соглашением сторон. *Разница же в вопросах соотношения «обхода закона», оговорки о публичном порядке и императивных норм, имеющих особое значение, - это различие между субъективным основанием признания недействительным соглашения о применимом праве, не требующего в последующем применения оговорки о публичном порядке и императивных норм прямого действия, и объективными основаниями исключения применения иностранного права и непосредственного применения императивных норм прямого действия, не требующих для этого использования нормы об «обходе закона».*

3. Предмет регулирования нормы об «обходе закона»

В российской науке об этой проблеме заговорил А.И. Муранов, по словам которого, «в классической теории *agere in fraudem legis* общепризнано, что «обходится» не коллизионная норма, а внутренняя материальная норма «обходимого» закона»¹².

Такое понимание предмета «обхода закона» предложил классик немецкого международного частного права Л. Раапел, который подчеркивал: «При обходе закона в международном частном праве прежде всего переходят в сферу действия другого правопорядка, содержащего желательные материальные нормы, и затем приравниваются к последним... Обходится материальная норма... Создание коллизионно-правового фактического состава является средством для обхода закона, но это не самый обход»¹³.

А.И. Муранов критикует проект третьей части Гражданского кодекса, в котором

¹² Муранов А.И. Указ. соч. С. 54.

¹³ Раапел Л. Указ. соч. С. 136.

содержалась специальная норма об «обходе закона», за то, что в соответствии с ней «обходятся» именно коллизионные нормы¹⁴. Данный вывод неубедителен хотя бы потому, что в ст. 1231 проекта говорилось о недействительности регулируемых Гражданским кодексом соглашений и иных действий сторон, направленных на то, чтобы в обход правил раздела VII проекта о подлежащем применению праве подчинить соответствующие отношения иному праву. Однако указанный раздел содержал не только коллизионные нормы, но и статью об императивных нормах, имеющих особое значение, напрямую регулирующих такие отношения. Иными словами, речь как раз и идет о тех материальных нормах, в основе которых лежат особо значимые для государства и общества интересы, действие которых исключает в качестве элемента фактического состава правоотношения с иностранным элементом использование коллизионных норм.

Как и Л. Раале¹⁵, А.И. Муранов акцентирует внимание на том, что «обход закона» имеет целью неприменение той или иной нормы, а в случае «обхода закона» в международном частном праве цель состоит именно в применении коллизионной нормы ввиду наличия в ней удобной привязки. Результатом является применение иностранного права и неприменение внутренней материальной нормы права, коллизионная норма которого и была использована. Из того, что коллизионная норма действует, вытекает, что в теории «обхода закона» она — лишь средство для «обхода», но никак не объект «обхода»¹⁶.

Вместе с тем, если внимательно прочитать норму проекта Гражданского кодекса об «обходе закона», то становится ясно: основная цель, которая ею преследовалась, — не применение иностранного закона, а недействительность соответствующего

соглашения. Вторая часть указанной нормы — это определение соответствующего права, поиск которого объективно необходим в силу недействительности самого соглашения о выборе применимого права. Но это уже другой вопрос, главное же — недействительность соглашения, которая и выступает объектом института «обхода закона». Применение иностранного права в качестве цели является объектом собственно соглашения сторон о применимом праве, а не отношений, которые возникли из недействительности такого соглашения. Когда соглашение, обладающее признаками противоправности, состоялось, правовое регулирование возникших при этом правоотношений ставит целью принятие правовых мер, направленных на пресечение противоправного характера таких отношений. В случае с «обходом закона» необходимым для этого является прежде всего признание возникших из соглашения правоотношений недействительными. Определение применимого права в результате недействительности такого соглашения — следствие неурегулированности отношений сторон, возникающее в этом случае.

Необходимо также учитывать механизм коллизионного регулирования, обусловленный природой и спецификой международных частных отношений. Эти отношения, за исключением особо значимых, служащих объектом императивных норм прямого действия, регулируются не непосредственно, а через коллизионное правоотношение, входящее в фактический состав гражданско-правового отношения с иностранным элементом¹⁷. То есть регулирование указанных отношений двухступенчатое. В нем задействованы коллизионные и материальные нормы. Объектом коллизионной нормы является

¹⁴ Муранов А.И. Указ. соч. С. 54.

¹⁵ См.: Раале Л. Указ. соч. С. 136.

¹⁶ Муранов А.И. Указ. соч. С. 54.

¹⁷ См.: Кудашкин В.В. Закономерности правового регулирования международных частных отношений // Московский журнал международного права. 2002. № 3. С. 96 — 126.

выбор соответствующего применимого права, в результате чего объектом избранного права становятся соответствующие материальные нормы. В случае же с «обходом закона» механизм регулирования еще более сложный, состоящий из трех ступеней. *Первая* — признание недействительным соглашения о выборе права. Объектом возникающего в этом случае правоотношения выступает указанное соглашение, предметом — отношения недействительности. *Вторая* — поиск применимого права, так как право, выбранное сторонами, неприменимо в силу недействительности соответствующего соглашения. И *третья* — применение права для регулирования международного частного отношения, выбранного в соответствии с коллизионной нормой, определяющей правоотношения.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что объектом «обхода закона» являются коллизионные правоотношения по выбору применимого права, а не материальные нормы. Последние задействованы в механизме правового регулирования международных частных отношений в целом. С точки зрения правового регулирования указанных отношений объективно необходимым является поиск соответствующих материальных норм. Однако их выявлению в случае с «обходом закона» предшествуют две упомянутые ступени, без которых указанный механизм не заработает. Именно поэтому в проекте третьей части ГК РФ в отношении применения «обхода закона» речь шла о недействительности соглашений, направленных на обход применимых в силу соответствующего раздела коллизионных и императивных норм.

Следует также отметить, что классическая теория, несмотря на утверждение А.И. Муранова, по меньшей мере не едина в вопросе о предмете регулирования института «обхода закона».

Так, М. Вольф отмечал, что «в небольшом количестве случаев имеется возможность объявить создание мнимой ино-

странной коллизионной привязки противоречащим действительному намерению сторон и поэтому недействительным»¹⁸. Очевидно, что ученый подчеркивает: предмет института «обхода закона» связан с разрешением коллизионных проблем, возникающих вследствие выбора применимого в результате соглашений сторон права.

Аналогичная ситуация с нормативным закреплением института «обхода закона» складывается в различных национальных правовых системах. Некоторые из них вообще не содержат нормы об «обходе закона» (в США, Австрии и Италии). Вместе с тем в других государствах указанный институт активно используется. При этом прослеживаются два подхода к вопросу законодательного определения его предмета.

Первый подход состоит в законодательном закреплении исключения «обхода» материальных императивных норм в результате соглашения о выборе применимого права. Так, п. 4 ст. 12 Гражданского кодекса Испании (1889 г.) устанавливает, что использование коллизионной нормы с целью уклонения от какого-либо испанского императивного закона считается обходом закона. Пункт 1 ст. 8 Указа Венгрии «О международном частном праве» определяет, что не может применяться иностранное право в том случае, когда оно привязывается к иностранному элементу, созданному сторонами искусственно или путем симуляции в целях обхода иным образом применимой нормы закона (обманная привязка).

Второй подход основан на недопустимости создания обманным путем коллизионных привязок, в том числе и соглашением сторон, направленных на обход применимых норм закона. То есть предметом в данном случае является решение прежде всего коллизионной проблемы. Один из наиболее характерных примеров представляет собой ст. 21 Гражданского кодекса Португалии (1966 г.), в соответствии

¹⁸ Вольф М. Международное частное право. М., 1948. С. 161.

с которой при применении коллизионных норм не учитываются фактические составы и права, созданные с обманным намерением обойти применимость того закона, который в других обстоятельствах являлся бы компетентным.

4. «Обход закона» и автономия воли

Одной из актуальных проблем международного частного права является соотношение «обхода закона» и автономии воли.

А.И. Муранов задается вопросом о том, «как примирить статью об «обходе закона» с неограниченной автономией воли в отношении договоров? Неограниченная автономия воли все время вызывала нападки сторонников теории «обхода закона». Ответ не заставляет себя ждать: «...эти два понятия не совместимы именно с точки зрения методологии»¹⁹. Сходную позицию занимает В.Л. Толстых: «Концепция обхода закона противоречит принципу автономии воли в международном частном праве, в соответствии с которым стороны для регулирования отношений по договору могут выбрать право любого другого государства»²⁰.

Вместе с тем российская правовая система в части гражданского законодательства не определяет автономию воли в качестве неограниченной.

Действительно, автономия воли субъектов хозяйственной деятельности относится к основополагающим принципам гражданских правоотношений. В соответствии с п. 2 ст. 1 ГК РФ юридические лица приобретают и осуществляют гражданские права своей волей и в своем интересе. Статьей 9 ГК РФ установлено, что юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права.

Под автономией воли субъектов частных правоотношений понимают самостоятельное, своей волей и в своем интересе

совершение ими действий, направленных на приобретение, изменение и прекращение субъективных прав, а также осуществление субъективных прав в пределах предоставленных им правомочий.

Необходимо отличать институт «автономии воли» гражданского законодательства от аналогичного института в международном частном праве.

Автономия воли в международном частном праве признается одним из важнейших принципов, «целью которого является определение применимых материально-правовых норм, а именно автономии воли сторон в выборе применимого к их отношениям права. В соответствии с этим принципом суд обязан применить право, избранное самими участниками правоотношения»²¹. Вместе с тем это отличие не означает абсолютной самостоятельности и несвязанности институтов свободы договора в гражданском праве и автономии воли в международном частном праве. Принцип автономии воли установлен в п. 1 ст. 1210 ГК РФ. Однако даже в рамках указанной статьи ее п. 5 указывает на определенные ограничения в отношении автономии воли²².

В силу того что принцип автономии воли структурно входит в Гражданский кодекс, на него распространяются общие начала гражданского законодательства. Это прямо следует из п. 1 ст. 1186 ГК РФ, которым определено, что к гражданско-правовым отношениям с иностранным элементом применяются в том числе нормы данного Кодекса.

²¹ См.: Филиппов А.Г. Некоторые аспекты автономии воли в российском международном частном праве // Актуальные вопросы гражданского права. М., 1998. С. 425.

²² «Если из совокупности обстоятельств дела, существенных на момент выбора подлежащего применению права, следует, что договор реально связан только с одной страной, то выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действие императивных норм страны, с которой договор реально связан» (п. 5 ст. 1210 ГК РФ).

¹⁹ Муранов А.И. Указ. соч. С. 52, 53.

²⁰ Толстых В.Л. Коллизионное регулирование в международном частном праве: проблемы толкования и применения раздела VII части третьей ГК РФ. М., 2002. С. 63.

Правомерен вопрос: если автономия воли (свобода договора) — одно из начал гражданского права, является ли основным началом возможность ограничения свободного волеизъявления сторон при установлении договорных отношений для соблюдения публичных интересов, в том числе в аспекте выбора применимого права?

Ответ в целом положителен. Частью второй ст. 1 ГК РФ, установившей основные начала гражданского законодательства, определено, что гражданские права, в том числе право по своему усмотрению выбирать договорные условия, могут быть ограничены на основании федерального закона. Так, согласно ч. 3 ст. 1 ГК РФ в соответствии с федеральным законом может быть ограничено перемещение товаров и услуг. Следовательно, ограничение самостоятельности субъектов гражданского права для защиты публичных интересов является таким же основным началом гражданского права, как автономия воли сторон, их свободное волеизъявление. Это в полной мере касается и автономии воли в международном частном праве. Таким образом, российская правовая система не содержит в своей основе принципа неограниченной автономии воли сторон. Вследствие этого не возникает никакого методологического противоречия между автономией воли и «обходом закона». Принцип автономии воли действует до тех пределов, за которыми воля субъектов хозяйственной деятельности не самостоятельна и должна формироваться с учетом установленных федеральными законами ограничений и запретов. В области международного частного права институт «обхода закона» призван обеспечивать соблюдение закрепленных правом императивных требований, имеющих как коллизионную, так и материально-правовую природу, которые нельзя обойти соглашением сторон в силу особой значимости охраняемых ими отношений и интересов.

5. «Обход закона» и принцип тесной связи

Еще одну научную проблему составляет определение соотношения «обхода закона» и принципа тесной связи правоотношения с иностранным элементом с регулирующим его правом.

По мнению А.И. Муранова, «если мы признаем теорию наиболее тесной связи доминирующим началом, то проблема «обхода закона» исчезает сама по себе; но если мы признаем теорию наиболее тесной связи второстепенным началом по сравнению с установленными в законе традиционными коллизионными привязками, то уже невозможно делать оговорку об «обходе закона», поскольку это явление — неизбежное следствие традиционного коллизионного метода»²³, «...в механизме регулирования коллизий законов, основанном на этой теории (теории наиболее тесной связи. — В.К.), не может быть и речи о создании ситуации объективно необоснованного распределения компетенции между законами, поскольку один из них практически всегда будет более тесно связан с правоотношением, чем другой»²⁴.

Изложенный подход основан на необъективной оценке сущности и содержания принципа тесной связи. А.И. Муранов исходит из того, что принцип тесной связи в любом случае обеспечивает определение применимого права к конкретному правоотношению с иностранным элементом, что вполне справедливо. Законодательную реализацию такой позиции мы видим на примере выявления применимого права в соответствии со ст. 1210 и 1211 ГК РФ: стороны выбирают применимое право по взаимному соглашению, при отсутствии же такого выбора применяется право страны, с которой договор связан наиболее тесно. Вопрос об «обходе закона» не возникает в сфере диспозитивного коллизионного регулирования, прежде всего в тех областях

²³ Муранов А.И. Указ. соч. С. 67.

²⁴ Там же. С. 61–62.

международных частных отношений, в которых действует автономия воли сторон. Указанные сферы не являются объектом, а в «обходе закона» соответственно не содержится предмета, направленного на регулирование отношений в этих сферах. Более того, автономия воли сторон реализует принцип тесной связи, который входит в число основополагающих принципов правового регулирования в международном частном праве²⁵. В этой части международных частных отношений, регулируемых на основе принципа тесной связи, действительно исключается действие и применение «обхода закона».

Вместе с тем указанный принцип, каким бы странным это ни показалось на первый взгляд, работает в сферах не только диспозитивного, но и императивного регулирования, в том числе в сферах действия императивных материальных норм, имеющих особое значение, и императивных коллизионных норм. В силу особой значимости для охраняемых законом интересов и общественных отношений объективно необходимым средством их правового регулирования служит прямое императивно-материальное либо императивно-коллизионное регулирование. В основе принципа тесной связи лежит объективная зависимость между специфическими свойствами регулируемого международного частного отношения и объективно соответствующим ему средством правового регулирования. С этой точки зрения принципиально важным является объективность связи международного частного отношения и его правового опосредования. В силу этого конкретное содержание принципа тесной связи включает в себя такие, казалось бы, взаимоисключающие средства правового регулирования, как автономия воли и императивные нормы прямого действия.

В той части международных частных отношений, в которых государство, исходя из

необходимости защиты интересов личности, общества и собственных, установило императивное регулирование, являющееся отражением принципа тесной связи в силу специфичности объекта и объективности его правового регулирования, возможно нарушение этой объективной закономерной связи и метода правового регулирования, когда стороны своим соглашением пытаются разорвать, нарушить объективно существующие связи между международным частным отношением и соответствующим ему императивным правовым регулированием. В силу этого нарушается принцип тесной связи. Именно в данной ситуации действует институт «обхода закона», предотвращающий соглашения и иные действия, направленные на нарушение объективно существующей связи между международным частным отношением и опосредующим его средством правового регулирования на основе субъективного вмешательства в указанные объективные процессы. Таким образом, **сущность «обхода закона» состоит в обеспечении устойчивости подсистемы международного частного права при взаимодействии национальных правовых систем, выражающемся в исключении возмущающих воздействий на указанную подсистему посредством соглашения и иных действий сторон, отражающих сугубо частные интересы в ущерб интересам личности, общества и государства, охраняемых законом на основе императивного регулирования соответствующих отношений.**

Механизм коллизионного регулирования, основанный на принципе тесной связи, не исключает, а предполагает наличие средства, обеспечивающего равновесие между природой международного частного отношения и его правовым опосредованием в случае совершения субъектами правоотношений действий, направленных на разрыв объективно существующей между ними связи. Указанным средством в международном частном праве и является «обход закона».

²⁵ См.: Кудашкин В.В. Указ. соч.